

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ»

Дементьев С.В., Оганесян С.С.

Аннотация.

В статье показывается, что разработчики ныне действующего Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" не учитывали, во-первых, что религиозное существование общества предполагает не только определённое мировосприятие, но и соответствующую ей жизнедеятельность; во-вторых, при употреблении словосочетания «религиозный экстремизм» не учли его исторически сложившегося понятийного (лексического, семантического смыслового) значения, которое лишь в переживаемую ментальную цивилизацию стало восприниматься значительной частью человечества в качестве крайне негативного явления, представляющего реальную угрозу миру и безопасности для всего мира.

Ключевые слова: Конституция РФ, государство и право, уголовное право, правоприменение, религии, национальная безопасность, экстремизм, ментальные цивилизации, Священные Писания, язычество, единобожие, научное мировосприятие.

Вданной статье мы постараемся показать что, во-первых, религиозное существование общества предполагает не только определённое мировосприятие, но и соответствующую ей жизнедеятельность. Во-вторых, при употреблении словосочетания «религиозный экстремизм», разработчики ныне действующего Федерального Закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не учли его исторически сложившегося понятийного (лексического, семантического смыслового) значения, которое лишь в переживаемую ментальную цивилизацию стало восприниматься значительной частью человечества в качестве крайне негативного явления, представляющего реальную угрозу миру и безопасности для всего мира.

Надо ли говорить о нерасторжимой связи между существующими понятиями и соответствующими

им юридическими терминами, а также о том, что ясность и точность определения термина особую актуальность приобретает именно в юриспруденции, поскольку от этого зависят и квалификация явления, как преступного действия, и определение соответствующей меры наказания за него.

Что касается специфических особенностей определения и употребления самих юридических терминов, то в «Энциклопедическом юридическом словаре», в словарной статье «Юридическая техника» они раскрываются следующим образом: « ... словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [1].

Отсюда вытекает, что юридический термин «религиозный экстремизм» – это «словесное обозначение государственно-правового понятия».

Итак, что же выражает «государственно-правовое» понятие «религиозный экстремизм» в современных законодательных актах, и почему оно не было зафиксировано в них даже три десятилетия тому назад?

* Дементьев Сергей Васильевич - заместитель начальника НИИ ФСИН России, полковник внутренней службы; Оганесян Сергей Саядович -- главный научный сотрудник НИИ ФСИН, доктор педагогических наук, профессор, государственный советник РФ 1 класса, член экспертного совета Комитета Государственной Думы по общественным объединениям и религиозным организациям.

Однако прежде чем ответить на эти и некоторые другие вопросы, считаем необходимым оговорить такие чрезвычайно важные для нашей темы понятия, как «экстремизм» и «религия», составляющие базовые компоненты соответствующего терминологизированного словосочетания.

Слово «религия» в современных языках, как известно, имеет несколько значений, основным из которых является определённое мировосприятие, предопределяющее как внутреннее «душевное» состояние человека, так и его поведение в различных ситуациях бытия, основанное на вере в существование неподвластных человеческому влиянию сверхъестественных сил, управляющих всем миром. И поэтому семантические поля значений слов «ментальность» и «религия» в значительной степени совпадают. Это подтверждается, в частности, не только соответствующими словарными статьями толковых словарей русского языка, но и современными философскими, политическими, религиозными и другими словарями. Попутно заметим, что в современных словарях русского языка совершенно отсутствует само понятие «религиозный экстремизм»[2; 3; 4; 5].

И это отнюдь не случайно, ибо слово «экстремизм» в одном из своих основных современных значений стало употребляться лишь с середины XIX века в Англии. Причём в сугубо публицистической литературе. В США «экстремистами обеих частей страны» во время Гражданской войны (1861 – 1865 гг.) стали называть представителей враждующих сторон Юга и Севера («extremists of both parts of the country»), т.е. опять-таки для обозначения политических явлений. Во Франции же слово «экстремизм» начали употреблять в годы первой мировой войны 1914-1918 гг. также в публицистической литературе для обозначения противостояния крайних левых и крайних правых именно политических сил.

Что касается выделения различных типов ментальных цивилизаций, то с нашей точки зрения, которая была обоснована в многочисленных работах одного из авторов данной статьи, можно говорить о трёх основных ментальных стадиях (эпохах) в истории развития человечества (в нашей терминологии – «цивилизациях»).

Это цивилизации «язычества», «единобожия», а также цивилизация, при которой люди самостоятельно осознанно и целенаправленно регулируют свою жизнедеятельность с помощью имманентно присущих им собственных интеллектуально-ментальных способностей и возможностей, т.е. с опорой на достижения науки, культуры, техники и технологий. Последнюю цивилизацию, в отличие от двух религиозных, которые предопределялись, в одном случае, традициями и обычаями, унаследованными от предков (язычество), в другом – ниспосланными свыше Единым Богом в виде заповедей и законов

Священных Писаний, мы посчитали возможным назвать цивилизацией «научного мировосприятия».

И, соответственно, в самом общем виде можно говорить о трёх ментальных типах людей, которые последовательно сменяли друг друга: язычниках (многобожниках, идолопоклонниках), монотеистах и тех, которые руководствуются научными познаниями при решении проблем своей жизнедеятельности.

Названные цивилизации различные этносы проходили не только в разные исторические периоды, нередко, однако, сосуществуя и во времени, и в пространстве, но и имели свои специфические формы проявления того явления, которое сегодня принято называть религиозным экстремизмом.

Кратко рассмотрим место и роль религий в каждую из выделенных ментальных цивилизаций, с точки зрения присутствия или отсутствия в них экстремистских проявлений.

Как известно, к ментальным особенностям язычников можно отнести, прежде всего то, что свои специфические религиозные установки, обряды и ритуалы предопределяли быт и жизнь каждой конкретной семьи, а также рода и племени.

Именно религиозная традиция требовала от каждой конкретной семьи её полной ритуальной и обрядовой изолированности от чужих семей. Более того, язычник не имел права поклоняться богу – покровителю другой семьи и, соответственно, принадлежать одновременно двум семьям. А это значит, что бог-покровитель чужой семьи был совершенно чужд язычнику и не имел над ним никакой власти.

Семьи, разрастаясь, не теряли, однако, связи друг с другом, поскольку имели общих предков. Они объединялись в роды и племена, членов которых объединяли именно их общие боги-предки, и поэтому близкие традиции и обычай не только поклонения им, но и организации быта. И, конечно же, объединяющим началом был и язык, который, как правило, был доступен для понимания членами племени.

Отсюда следует, что язычник никогда и никому не навязывал поклонения своим богам и не требовал соблюдения обрядов поклонения им. Напротив, он оберегал и скрывал от всех прочих семей, родов и племён обряды и традиции поклонения своим богам. Он был уверен, что именно личный бог его семьи обеспечит, при надлежащем поклонении ему, успех во всех его начинаниях.

А вот, бедствующие или проигравшие войну языческие семьи и роды сами проявляли заинтересованность в поклонении богам более успешных семей, родов и племен а, тем более, победителей. Ибо, по их представлениям, боги победителей показали в войне свою реальную мощь и оказались сильнее, чем их собственные семейные и родоплеменные боги.

С течением времени при возникновении поселений со смешанным родоплеменным составом, закономерно появились боги, общие для всех жителей

поселения (города). Горожане, поклонялись им, точно так же, как и поклонялись своим богам семейным и не считали возможным поклоняться предкам других общин-поселений. Если город был процветающим и сильным, то те, кто поселялся в нём, сами считали необходимым (выгодным) поклоняться и чтить богов «этой земли» для приобретения благополучия, мира и спокойствия.

Отсюда вполне понятно, почему воины, завоевывая другие города, никогда не навязывали покорённым племенам своих богов. Горожане, как утверждают исследователи, опасались делиться своим духовным наследством с побежденными. Языческая религия древних категорически запрещала это [6].

Что касается ментальности единобожия, то это был следующий этап цивилизационного развития человечества. Он был связан, прежде всего, с формированием полиэтнических государств, которые должны были иметь единую систему управления, жёсткую вертикаль власти с равным подчинением единому законодательству, которое предопределялось религиозными взглядами всех его граждан вне зависимости от семейных, родоплеменных и прочих устоев.

Эта ментальность была представлена в таких Священных Писаниях, как Тора, Новый Завет и Коран, которые регламентировали практически все стороны жизни людей с помощью изложенных в них «заповедей, законов и установлений».

Нормам и правилам, изложенным в Торе, Новом Завете и Коране, обязаны были подчиниться все люди вне зависимости от их семейной принадлежности, имущественного положения, пола, возраста, рода и племени, этноса и расы, начиная от вождей и кончая рабами.

И именно поэтому духовные (ментальные) связи людей, а не их кровное (семейное, родовое и племенное) родство, характерное для язычества, было в единобожии самым важным и значимым. И, соответственно, «ближними и братьями» друг другу стали считаться лишь те, кто поклоняется сугубо Богу Единому и исполняет исключительно Его волю. Они, согласно Торе, Новому Завету и Корану, становились членами единого духовного братства. А к «врагам» стали причислять всех тех, кто остался в язычестве. Причём все неверные Богу язычники считались врагами не только Бога, но и всех верных Всевышнему людей.

Эта исторически обусловленная традиция отношения к неверным Единому Богу людям, как к врагам, культивировалась на протяжении тысячелетий и сохранилась в единобожии (в иудаизме, в христианстве, в магометанстве) и до сегодняшнего дня.

Однако, если первоначально врагами Единого Бога называются исключительно язычники, то с течением времени ситуация кардинально изменилась.

Дело в том, что установления, законы и заповеди, данные в Торе, а следом – в Новом Завете и

Коране, постепенно перестали удовлетворять велениям новых времен. И поэтому появилось множество толкований тех или иных норм Священных Писаний, направленных на их приспособление к новым условиям жизни. А любое толкование (мнение), как известно, само по себе уже предполагает наличие и другого мнения (толкования), а, следовательно, и инакомыслия.

При этом каждое из возникающих религиозных течений и направлений считало именно своё толкование Священных Писаний единственным правильным, а все остальные – неверными. Взаимное обвинения в отступлении от завещанных Единым Богом норм и правил постепенно стало нормой общественного сознания тех народов, кто принял единобожие.

И этот вполне закономерный процесс не мог не привести к появлению в единобожии самостоятельных течений, направлений, конфессий и религий, на которые опирались для образования собственных суверенных государств самые различные народы и этносы.

Поэтому наряду с официально признанными государствами толкованиями Писаний, появлялось в них и множество других, которые жёстко подавлялись властями и предавались анафеме обслуживающими их религиозными деятелями и институтами.

Таким образом, если врагами для язычников являлись лишь те лица, которые имели чуждых им богов, то при единобожии к врагам стали относить также тех, кто, поклоняясь одному и тому же Единому Богу, принадлежал к другим религиозным конфессиям и их течениям.

Так, к примеру, из текстов Нового Завета хорошо известно, что в среде Иудеев в непримиримой вражде друг к другу находились такие религиозные течения (партии), как фарисеи и саддукеи. Но если Тора сдерживала проявление религиозного экстремизма и терроризма по отношению к «ближним и братьям» своим из среды «сынов Израиля», то и те, и другие сразу же ополчились на последователей вероучения Иисуса Христа, считая его ложным, а самого Иисуса «богохульником». И, соответственно, обрекли на смерть не только Иисуса Христа, но и распространили свой «террор» и на всех последователей Мессии. Соответственно, категорически отвергли новый «вероустав» единобожия, изложенный в Коране, не только иудеи, но и христиане.

Весьма показательно, что в Западной части Римской империи был коронован Карл Великий, который в глазах современников стал «равным» Восточному императору, то с опорой на его политическую силу римский епископ стал претендовать на первенство и на единоличную власть во всей Церкви. Чтобы утвердить свою власть, он предал анафеме престол храма святой Софии в Восточной части Империи. В свою очередь, Патриарх Восточной (Православной) церкви Михаил собрал Синод, на котором была выдвинута ответная анафема.

Не секрет также, что и раскольническое движение в православной Церкви России середины 17 века (реформа патриарха Никона) было отнюдь не внутрицерковным делом, а движением политическим и социальным.

Более чем наглядно политическая подоплека религиозного сепаратизма и сопутствующего ему экстремизма и даже терроризма видна и в событиях, связанных с отделением в июне 1992 года от Русской православной церкви Украинской православной церкви с центром в Киеве.

Разделение мусульман на шиитов и суннитов также произошло по чисто политическим мотивам. Сразу же после смерти пророка Мухаммеда в VII веке часть верующих выступала за выборных халифов, а другая – за права на духовное предводительство любимого зятя Мухаммеда Али ибн Абу Талиба. По чисто политическим мотивам возникло в Саудовской Аравии и ваххабитское течение в магометанстве и практически все остальные «правильные» толкования Корана с целью возвращения верующих в лоно «чистого ислама», который освободит от несправедливости и угнетения, принесёт мир и благодеяние народам.

Таким образом, даже немногочисленные выше-приведенные сведения о специфике религиозных цивилизаций (язычества и единобожия) позволяют говорить о том, что по своей исторической сущности, по своим целям и задачам во всех своих проявлениях, каждое из них всегда претендовало на исключ-

ительность для жизнедеятельности как отдельных народов, так и всего человечества.

Но они не воспринимались экстремистскими в силу самой специфики религиозных цивилизаций и присущих им форм и способов жизнедеятельности.

Ситуация коренным образом стала меняться при переходе к современной ментальной цивилизации «научного мировосприятия», которая в силу своей специфики изначально предполагает наличие альтернативных идей, мнений, позиций, взглядов, точек зрения и их обоснованное и беспрепятственное отстаивание. И поэтому категорический запрет на любое инакомыслие, которое характерно для религиозных цивилизаций, воспринимается в цивилизацию научного мировосприятия в качестве явления крайне негативного и препятствующего познавательной деятельности людей и дальнейшему развитию человечества.

Поэтому отнюдь не случайно, что современная Конституция РФ, в соответствии с фундаментальными основами новой ментальной цивилизации, вслед за конституциями подавляющего большинства других стран мира, провозглашает высшей ценностью государства права и свободы человека, свободу мысли и слова, свободу совести и вероисповедания. Именно отсюда проис текают гарантии политического и идеологическое многообразия и многопартийности, а также равенство общественных объединений и организаций перед законом.

Конституция РФ чётко и однозначно провозглашает, что РФ является светским государством, и поэтому никакое религиозное воззрение не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные организации отделены от государства и все без исключения равны перед законом. Одновременно Конституция предоставляет гражданам право исповедовать любые религиозные воззрения или вовсе не иметь их, и считает недопустимым разжигание религиозной розни [7].

Так, в статье 28 Конституции РФ сказано, что каждому человеку «гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [7].

Однако при всех декларируемых Конституцией РФ гарантиях свободы совести и волеизъявления она, с нашей точки зрения, содержит некоторые положения, которые не достаточно учитывают вышеназванной специфики религий как исторически обусловленных ментальных явлений с соответствующей организацией жизнедеятельности.

Ибо, согласно Писаниям, верующий только тогда является истинным верующим, если он живёт и действует исключительно в соответствии с нормами и правилами (законодательными системами), изложенным в них. А, в свою очередь, сами Священные Писания, как известно, предназначены не только и не столько для формирования сугубо определённых воззрений и убеждений, но и предполагают строгое исполнение изложенных в них установлений, законов и заповедей. Апостол Иаков по этому поводу писал: «Ибо, как тело без духа мертвьо, так и вера без дел мертвьо» (Иак. 2:26).

Отнюдь не случайно Тору иначе называют Законом (Законом Моисея). Коран немыслим без законодательной системы (шириата). А Новый Завет даёт Заповеди, нарушение каждой из которых признаётся страшнейшим, тяжким грехом (правонарушением). Обратим внимание на слова апостола Иоанна: «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (1 Ин. 3:4).

К примеру, Тора не допускает возможности использовать субботу в качестве рабочего дня, Коран для размышлений о Боге (Аллахе) обязательного посещения мечети требует освобождать пятницу, а христианство – воскресение. Или Тора, как известно, требует воздавать на смерть смертью, Коран в назидание другим обязывает отрубать вору и воровке руки. «Вору и воровке в воздаяние за то, что они совершили. Таково наказание от Аллаха, ведь Аллах – Могущественный, Мудрый» (Сура 5:38).

Широко известно, что Новый Завет категорически запрещает брачные разводы, исключая случаи

откровенного и достоверно установленного прелюбодеяния. Иисус, в частности, говорил: «Сказано также, что если кто разведется с женой своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женой своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мат. 5:31-32). Как же может человек считать свои убеждения христианскими, если он был дважды в браке и развёлся со своей женой не за её «грех прелюбодеяния»?!

Но если брак или безбрачие, так же, как и пищевые предпочтения, можно отнести к сугубо личным делам человека, то обязательство, которое накладывают, например, Тора и Коран – «... душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, ожог за ожог, рану за рану, ушиб за ушиб» (Тора, Шмот 21 Мишпатим, 23,24; Коран Сура 5:45), входит в явное противоречие с законодательством РФ.

Более того, Коран при всём своём толерантном отношении к инакомыслию, за которое человеку придётся отвечать исключительно перед Богом, но не людьми (Сура 5:41-47), тем не менее, требует вершить суд сугубо по тем нормам, которые даны в самом Коране: «А те, кто суд вершит не потому, что им низвел Аллах, те преступают (законы, установленные Им)» (Сура 5:45).

Поэтому конституционная формулировка, представляющая гражданинам право «действовать в соответствии» со своими «религиозными убеждениями», следует признать недостаточно продуманной.

В определённой степени можно назвать уязвимой и статью 29 Конституции, которая содержит положение, запрещающее пропаганду «религиозного превосходства» или религиозной «исключительности».

Можно ли, например, представить себе Священное Писание, которое бы не возвещало о своём мессианском предназначении? Или можно ли запретить, например, православному священнослужителю, не превозносить православие и не ставить его выше всех остальных христианских конфессий. А, тем более, не предавать анафеме члена своей общины, решившего перейти в католичество или в свидетели Иеговы, или в кришнаизм, или в магометанство, или в иудаизм!?

Равно, как и представители всех других религий и их конфессий, в силу своей профессиональной деятельности, не могут не относиться крайне отрицательно к религиозным воззрениям и обрядам отправления культов других.

Весьма показательным в связи с этим можно назвать заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на открытии Архиерейского собора 2004 года, который назвал распространение неоязычества одной из главных угроз ХХI века, поставив его в один ряд с терроризмом и «другими губительными явлениями современности». Это выступление, кото-

рое противоречит духу и букве Конституции РФ, не могло быть иным, ибо на протяжении многих столетий именно православие, а не какая либо иная мировоззренческая идея, было идеологической и ментально-цементирующей основой существования Российской Империи [8].

Как было отмечено, проявление толерантности к иным религиозным воззрениям и «вероуставам» для служителей культов немыслимо не только из-за их ревностного служения своим религиозным убеждениям. Но и из-за самой исторической сущности и предназначения религии как социально-экономического, культурного (духовного) и политического явления, служащего идейно-идеологическим и мировоззренческим фундаментом для консолидации и жизнедеятельности людей в границах единого суверенного государства. Причём жизнедеятельности социумов в строгом соответствии с заповедями, законами и установлениями, изложенными в Писаниях.

Вышеприведенные положения Конституции неизбежно предопределяют и правовое содержание Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и соответствующие толкования и комментарии к нему, которые, с нашей точки зрения, также оказываются уязвимыми с точки зрения правоприменения.

Так, в одном из Постатейных комментариев к статьям 280 и 282 УК РФ утверждается, что к уголовно наказуемой экстремистской деятельности должна относиться «пропаганда исключительности, превосходства, либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности» [9].

Приравнивая религию к расовым, национальным и языковым характеристикам людей, авторы приведенного Комментария допускают ошибку, связанную, в частности, с необходимостью уголовного преследования событийно-содержательной и идейно-идеологической основы всех существующих текстов Священных Писаний. Достаточно привести в подтверждение данных слов несколько цитат из Торы, Нового Завета и Корана.

Так, Тора устами Моисея вопрошаєт: «Ибо кто такой народ великий, к которому боги наши были столь близки, как Бог, всесильный наш, когда мы вызываем к Нему? И кто такой народ великий, у которого установления и законы справедливы, как все это учение, которое я даю вам сегодня» (Дварим 4 Ваэтханан; 7,8).

Кроме того, Тора неоднократно возвещает (причём с точки зрения задач, решаемых единобожием, совершенно оправдано) об исключительности народа, произведенного Богом от Якова-Израиля (Дварим 4 Ваэтханан, 32-44; Бемидбар 22 Баалак и др.).

Книги пророков Библии также изобилуют превознесением сынов Израиля над всеми другими народами: «Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое наследование». (Ис. 5:7)

Многие эпизоды из книг Нового Завета также подпадают под уголовно наказуемое деяние. Может ли быть, например, большего оскорбления чувств верующих язычников, чем их сравнение с псами?

«И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти её, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израиева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф.22-26).

Через Мухаммеда Бог возвещает: «Тех, кто уверовал и делает добро, Аллах обетовал прощение и высшую награду, а те, кто не уверовал (в Аллаха) и выдаёт за ложь знамения Его, стать обитателями Ада» (Сура 5:9, 10).

Таким образом, именно незнание нашими современниками, в первую очередь – законодателями, фундаментальных основ религии, её сущностной природы, как особого исторически обусловленного мировоззренческого и социально-экономического явления, с нашей точки зрения, порождает множество правовых, а следом, и общественно-политических проблем, ставящих под угрозу мир и безопасность нашего государства.

Литература

1. Энциклопедический юридический словарь // Авт. колл.: В.Н. Додонов, А.С. Пиголкин, В. П. Панов и др.; Под общ. Ред. В.Е. Крутских. – 2 -е изд., испр. и доп. -М.: Инфра-М,1999. – 368 с.
2. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Из. 5-е, допол. и перараф. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 2002. – 972 с.
3. Словарь религий: иудаизм, христианство, ислам./ Под. ред. Эюбера, Ж. Потзна / Пер. с франц. Е.А. Терюковой / под. ред. М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой – СПб.: Питер, 2008. – 656 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН. Ин-т лингвистических исследований; Под. ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.; Рус. яз., Полиграфф-сервис, 1999. Т. 3. П-Р. – 1999. – 752 с.
5. Новейший философский словарь: 2-е изд. Переработ. и дополн. –Мн.: Интерпресссервис; Книжный Дом. 2001. – 1280 с. – (Мир энциклопедий)
6. Фюстель де Кулланж. Древний город. Религии, законы, институты Греции и Рима/ Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 414 с.
7. Конституция Российской Федерации: по состоянию на 2014 г.; с комментариями юристов. – М.: ЭКСМО, 2013. – 80 с.
8. Слово Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на открытии Архиерейского собора Русской православной церкви 03.10.2004 // Московский патриархат: [офиц. сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/420130.html> (дата обращения:13.04.2015).
9. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под. ред., д-ра юр. наук, проф. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОН-ТРАКТ, 2004.-VIII, 819 с.